

VARIA

Игорь Баринов

«ЗЕМЛЯ БУДУЩЕГО» И «НЕОСВОЕННАЯ ЦЕЛИНА»: БЕЛОРУССИЯ НА НЕМЕЦКОЙ МЕНТАЛЬНОЙ КАРТЕ, 1914–1944 ГГ.

1. Введение

Летом-осенью 1915 г. в ходе боёв на Восточном фронте германские войска заняли обширные территории на западе Российской империи – под контроль немцев перешли польские, литовские и частично белорусские губернии. Необходимость поддержания боеспособности действующей армии сразу обозначила проблему налаживания работы тыла на незнакомой территории. Тогда на помощь солдатам кайзера пришли местные евреи: они говорили на понятном немцам языке и были поверхностно знакомы с немецкой культурой. Как писал очевидец, оказавшийся в Сувалках, «умные карие глаза евреев были полны подобострастия», а на их лавочках мелом было крупно написано «еврейский магазин», что означало «дружественный магазин»¹. Германские военнослужащие с интересом и любопытством подглядывали за обитателями гетто не только в Польше, но и в Гродно, Вильне и Ковно. В официальных публикациях появлялись очерки еврейского быта², а художники зарисовывали типы «восточных евреев», чтобы лучше познакомить с ними немецкую публику³. Пройдёт меньше четверти века – и с упомянутых надписей при входе в магазины начнётся антисемитская политика нацистов. Восточные гетто будут названы «рассадниками болезней и преступности»⁴, а указанные города станут пульсирующими точками на карте уничтожения европейского еврейства.

Этот сюжет как нельзя лучше отражает те изменения в восприятии Восточной Европы, которые произошли в сознании немцев после её

ИГОРЬ ИГОРЕВИЧ БАРИНОВ, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИМЭМО РАН, Россия; e-mail: barinovnoble@gmail.com

¹ R. Brandt, *Fünf Monate an der Ostfront: Kriegsberichte*, Berlin 1915, s. 31.

² *Das Land Ober Ost. Deutsche Arbeit in den Verwaltungsgebieten Kurland, Litauen und Bialystok–Grodno*, Berlin–Stuttgart 1917, s. 47–49; P. Weber, *Wilna, eine vergessene Kunststätte*, Wilna 1917, s. 119–120.

³ *Skizzen aus Litauen, Weißrussland und Kurland*, Berlin 1916, s. 41–52.

⁴ *Der Kampf um die deutsche Ostgrenze. Sonderheft nur für den Dienstgebrauch innerhalb der Ordnungspolizei*, Berlin 1941, s. 43.

«узнавания» в годы Первой мировой войны. До 1914/15 гг. для наполнения понятия «Восток» в германском общественно-политическом дискурсе использовались самые общие и неконкретные подходы. Для рамочной характеристики обширного региона восточнее Вислы использовался набор обозначений с общим корнем *Grenz-* (пограничный). Среди них можно выделить понятия *Grenzland* («пограничье») и *Grenzmark* («укреплённый пограничный кордон для вероятного дальнейшего продвижения»). Под этими специфическими терминами понимались восточные окраины Германской империи и прилегающие к ним территории, причём определяющим моментом здесь было существование немецкого меньшинства и реализация им своей этнокультурной индивидуальности в окружении значительного инокультурного и иноэтничного большинства. В этом смысле в *Grenzland* порой включался весьма широкий ареал от Галиции и Волыни на юге до Балтийского моря на севере, а *Grenzmark* ещё предстояло утвердить. Примечательно, что эту терминологию немцы переносили и на Россию. В их представлении в русский *Grenzmark* на западе, который был готов превратиться в плацдарм для наступления, входили Польша, Литва и Белоруссия⁵.

На этом фоне в 1915 г. германский политик Фридрих Науман предложил понятие «Срединная Европа» (*Mittleuropa*) для обозначения земель, подвергшиеся аккультурации со стороны «старой Европы» и, прежде всего, Германии. Именно из него впоследствии был выделен «восток Срединной Европы» (*Ostmitteleuropa*) как тот регион, с которым немцы наиболее интенсивно взаимодействовали в течение своей истории⁶. Концепт Наумана, тем не менее, не снял реальную проблему внутреннего структурирования Востока. С целью адаптации огромной мультиязычной и поликультурной палитры для немца германские власти, как указывает Веас Люлевичус, в 1915–1918 гг. начали на оккупированной территории настоящий «культуркампф». Его конечной целью была институционализация культурной миссии Германии в пограничье⁷. Именно эти мероприятия получили в общественном дискурсе наименование *Deutsche Arbeit*, которое можно истолковать как «вовлечение в ареал немецкой культуры» или «апроприация ландшафта в рамках германской цивилизационной модели». Уже во времена национал-социализма на смену этому концепту пришёл более категоричный *Ausgleich* («спрямление») ⁸.

Как можно заметить, даже по лексическому наполнению терминов очевидна динамика от более лояльного отношения к культурным различиям

⁵ M. Friedrichsen, *Die Grenzmarken des europäischen Russlands: ihre geographische Eigenart und ihre Bedeutung für den Weltkrieg*, Hamburg 1915, s. 46–75.

⁶ K. Zernack, *Osteuropa. Eine Einführung in seine Geschichte*, München 1977, s. 14–15, 24, 34.

⁷ V.G. Liulevicius, *Die deutsche Besatzung im „Land Ober Ost“ im Ersten Weltkrieg, w: Besatzung. Funktion und Gestalt militärischer Fremdherrschaft von der Antike bis zum 20. Jahrhundert*, red. G. Kronenbitter, M. Pöhlmann, D. Walter, Schöningh, Paderborn 2006, s. 93.

⁸ *Nazi Policy on the Eastern Front, 1941: Total War, Genocide, and Radicalization*, Cambridge 2012, s. 127.

к их отторжению. Здесь мы, в определённом смысле, можем видеть эксперименты германской стороны в области этнометодологии, где практика понималась как искусство решения задач в ситуации неопределённости. Артикуляция той или иной практики означала очерчивание определенного способа действия, при котором становилось возможным его нормативное выражение и распространение в обществе⁹. Появление на оккупированной территории Российской империи специфического образования *Land Ober Ost* (зона главного командования «Восток») именно в такой форме неслучайна, так как армия рассматривалась как носитель германской цивилизации и внешний медиатор в ходе узнавания местного ландшафта и дальнейшей организации *Deutsche Arbeit*¹⁰.

Вместе с тем, армейское командование опасалось (и, как оказалось, не напрасно), что *Grenzland* станет для обычного солдата источником неприятных впечатлений от малознакомого населения и его образа жизни, что, в свою очередь, приведёт к его внутренней дезориентации¹¹. Ситуация усугубилась после поражения Германии в войне в 1918 г. По словам американского исследователя Анны Саммартини, навязчивое стремление немцев к обширной реколонизации Востока, которое и раньше соседствовало с боязнью «чужого», теперь столкнулось с реальной перспективой потери восточной окраины. Нескончаемый поток беженцев, на плечах которых в Германию был готов ворваться дух большевизма, вызывал в немецком обществе неподдельный ужас, а Восток представлялся источником «апокалиптической опасности»¹². Как представляется, именно события 1918–1922 гг. сыграли значительную роль в том, что возникшие ещё во времена «Обер Оста» идеи о преобразовании оккупированных территорий позднее вернулись в измененной, радикализированной форме уже в период Второй мировой войны¹³.

Следует отметить, что в ходе нацистской оккупации на Востоке изменение отношения немцев к местному населению напрямую коснулось не только евреев, но и представителей всех без исключения этнических групп, проживавших на оккупированной территории. Если переход от благожелательного любопытства к полному неприятию в отношении еврейского сообщества представляется, на фоне известных обстоятельств, более или менее ясным, то вопрос позиционирования ряда других народов на немецкой ментальной карте не является столь очевидным. Как известно, наряду с репрессивной политикой нацистам приходилось в том или ином виде взаимодействовать с местными жителями. Выстраиванию взаимоотношений, обусловленному актуальными факторами, изначально предшествовала традиционная матрица «известности» либо «неизвестности» конкретного

⁹ В.В. Волков, О.В. Хархордин, *Теория практик*, СПб. 2008, с. 15, 23.

¹⁰ V.G. Liulevicius, *Die deutsche Besatzung im „Land Ober Ost“ im Ersten Weltkrieg*, s. 96.

¹¹ Tamže, s. 93.

¹² A. Sammartino, *The Impossible Border: Germany and the East, 1914–1922*, Ithaca (N.Y.)–London 2010, s. 9, 15, 154.

¹³ V.G. Liulevicius, *Die deutsche Besatzung im „Land Ober Ost“ im Ersten Weltkrieg*, s. 93.

сообщества немцам. Исходя из этого, оно вообразилось и встраивалось в текущую парадигму оккупационной политики.

В этой связи представляется важным понять, как происходило «открытие» немцами той или иной общности «пограничья» в ходе первой оккупации 1915–1918 гг. и можно ли говорить о некоей преемственности процессов воображаемого моделирования этих общностей и связанных с ними оккупационных практик в 1941–1944 гг. В рамках данной статьи выбранная проблематика будет рассмотрена на примере Белоруссии.

2. Белоруссия: первые попытки узнавания

Подходя к изучению рецепции Белоруссии в немецком сознании, следует, прежде всего, представлять те процессы, которые происходили по ту сторону границы – в России. На протяжении всего XIX века (и особенно его второй половины) имперский центр предпринял ряд шагов по позитивной дискриминации и узнаванию непольского населения западной окраины. Их реализации препятствовали не только сложности соотношения разговорного языка и этничности на бывших территориях Речи Посполитой, но и отсутствие до конца 1850-х гг. в распоряжении центральных имперских учреждений точных сведений об этнографии западных губерний¹⁴. Не было ясности и с территориальной привязкой. В материалах Редакционных комиссий 1859–1860 гг., созданных для подготовки ликвидации крепостного права, не только Гродненская и Минская, но и часть Витебской губернии назывались «литовскими»¹⁵. При этом в 1863 г. близкий к славянофилам публицист Михаил Коялович отнёс к белорусским землям не только вышеназванные регионы, но и часть Виленской и Ковенской губерний¹⁶. Вместе с тем, белорусские губернии ещё долгое время в обиходе именовались «польскими»¹⁷.

С ещё большими сложностями после начала Первой мировой войны столкнулась германская сторона. Если малороссийские реалии, стараниями украинских активистов, были более или менее известны в Берлине (хотя и в достаточно искажённом виде), то Литва и Белоруссия по сути оставались одной большой *terra incognita*. Актуальная литература об этом крае только начинала появляться – пока что приходилось ориентироваться по русско- и польскоязычным изданиям XIX века. Любопытно, что стратегии узнавания Белоруссии по обе стороны границы изначально роднило то, что важной

¹⁴ Л.Е. Горизонтов, «*Большая русская нация*» в имперской и региональной стратегии самодержавия, „Пространство власти: исторический опыт России и вызовы современности”, М. 2001, с. 135–137; М.Д. Долбилов, *Русский край, чужая вера. Этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II*, М. 2010, с. 184.

¹⁵ Л.Е. Горизонтов, «*Большая русская нация*» в имперской и региональной стратегии самодержавия, с. 135.

¹⁶ М.Д. Долбилов, *Русский край, чужая вера*, с. 197.

¹⁷ Tamże, с. 163.

детерминантой здесь выступали поляки. Как отмечает Леонид Горизонтов, непольское большинство на западной окраине виделось из Петербурга как жертва польской экспансии и, соответственно, рассматривалось в качестве вероятного противовеса польскому сообществу¹⁸. В немецком же нарративе местное население стало рассматриваться как «порабощённое» царской Россией¹⁹, при этом русская идея об ослаблении поляков за счёт нивелирования их культурного и экономического влияния среди местных жителей была воспринята и германской стороной²⁰.

На практике, однако, эта умозрительная методология быстро подверглась коррективам. Российские принципы узнавания Белоруссии не могли быть импортированы немцами в оригинальном виде, так как по большей части апеллировали к общности исторических судеб со времён Киевской Руси и распространению православия как объединяющего фактора. В результате первоначальное познание новых территорий логично происходило через оперативные фронтовые реалии. В ходе первого непосредственного соприкосновения с Белоруссией в августе – начале сентября 1915 г. опознавательными знаками для немцев стали Гродненская и Брест-Литовская крепости²¹. Затем к ним добавились Неман, Западный Буг и другие местные реки как естественные водные границы, а также наиболее очевидные географические локации, такие как леса, болота и долины²².

Стоит отметить, что о более глубоком узнавании речь пока не шла – окружающее пространство оказалось для немцев слишком чуждым. Один из офицеров описывал в дневнике, как его ужасали «необъятные холмистые просторы» и такие названия населённых пунктов, об которых «можно было сломать язык»²³. Другой пытался обнаружить в окружающем ландшафте что-то, напоминавшее родную Германию²⁴. Военный корреспондент, оказавшийся в только что возникшей оккупационной зоне, использовал для её описания синонимы слова «мешанина». Особенно шокирующее впечатление на автора произвело местечковое кладбище, на котором были вместе похоронены католики, православные, лютеране и иудеи²⁵. Любопытно, что когда военнотружущие пытались представить, что могло бы связывать их с Литвой и Белоруссией, им на ум приходили события столетней давности,

¹⁸ Л.Е. Горизонтов, «Большая русская нация» в имперской и региональной стратегии самодержавия, с. 148.

¹⁹ O. Kessler, *Die Baltenländer und Litauen. Beiträge zur Geschichte, Kultur und Volkswirtschaft unter Berücksichtigung der deutschen Verwaltung*, Berlin 1916, s. 24–25.

²⁰ E. Ostmann, *Schnelle Besiedlung unserer neuen Ostmarken*, Berlin 1916, s. 16–22.

²¹ *Die Aufzeichnungen des Generalmajors Max Hoffmann*, Bd. 1, Berlin 1929, s. 83–86.

²² J. Zylka, *Westrussland in militärgeographischer Hinsicht*, Berlin 1916, s. 14–15, 19; H. Richter, *Kowno, Wilna, Dünaburg: Kriegserlebnisse eines Feldartilleristen*, Berlin 1918, s. 31–39.

²³ H. Richter, *Kowno, Wilna, Dünaburg*, s. 35.

²⁴ R. Brandt, *Fünf Monate an der Ostfront: Kriegsberichte*, s. 30.

²⁵ W. Feldmann, *Mit der Heeresgruppe des Prinzen Leopold von Bayern nach Weißrußland hinein*, München 1916, s. 86–87.

когда прусские союзники Наполеона в 1812 г. вместе с французами вступили на российскую территорию²⁶.

В каком-то смысле этот массив разрозненных впечатлений можно обозначить как первый, самый поверхностный уровень познания новой территории немцами. Определённые подвижки в ментальном освоении края начались лишь после стабилизации линии фронта, когда перед военными встала непростая задача – обеспечить потребности действующей армии, находясь на незнакомой территории, и одновременно адаптировать недавно оккупированные области для немецкого сознания. Как отмечал немецкий историк Ханс Цемке, писавший о событиях по горячим следам, военным приходилось действовать фактически в отрыве от центральных властей, которым не были известны детали происходящего. Из-за этого будущая зона главного командования “Восток” вышла за рамки обычного армейского тыла и приобрела особое экономическое и политическое значение для ведения войны²⁷.

На этом фоне процесс воображения оккупированной территории стал постепенно удаляться от чисто военных реалий и начал двигаться по двум траекториям: понимания городов как пространства для изучения локальной системы взаимоотношений и осознания сельской местности как пространства для хозяйственного освоения, пока что без привязки к этнокультурным особенностям населения. Это нашло своё отражение на символическом уровне. Так, крепость Осовец из пространства военного опыта постепенно преобразилась в Белосток, а Гродненская крепость «превратилась» в собственно город Гродно²⁸. То же самое произошло и с соседними литовскими районами: как отмечалось в отчёте военной администрации, объединение областей «Литва» и «Вильна-Сувалки» (то есть по сути собирание этнографической Литвы) было произведено для упрощения работы тылового командования «в важной сфере сельскохозяйственной эксплуатации»²⁹.

Результаты узнавания Белоруссии в виде кратких очерков были собраны известном сборнике «Зона главного командования „Восток“». Мероприятия по вовлечению в ареал немецкой культуры Курляндии, Литвы и области Белосток-Гродно». Подобная громоздкая формулировка в какой-то мере позволяет, хотя и не полностью, истолковать весьма метафоричный оригинал. Предложенный белорусским исследователем Сергеем Новиковым дословный перевод «*deutsche Arbeit = германская работа*»³⁰ не только не проливает

²⁶ R. Brandt, *Fünf Monate an der Ostfront: Kriegsberichte*, s. 30; H. Richter, *Kowno, Wilna, Dünaburg*, s. 29–30.

²⁷ H. Zemke, *Der Oberbefehlshaber Ost und das Schulwesen im Verwaltungsbereich Litauen während des Weltkrieges*, Berlin 1936, s. 2.

²⁸ *Die Aufzeichnungen des Generalmajors Max Hoffmann*, Bd. 1, s. 144.

²⁹ *Verwaltungsbericht der Militärverwaltung Litauen für die Zeit vom 1. Oktober 1916 bis 31. März 1917*, Kowno 1917, s. 7.

³⁰ С.Е. Новиков, *Белорусский край и «проект Ober Ost»: в поиске исторической истины*, в: *Великая война 1914–1918. Альманах Российской ассоциации историков Первой мировой войны*, Выпуск 2, Квадрига, М. 2013, с. 28.

свет на сущность происходивших процессов, но и уводит в сторону от их понимания. Далее автор развивает целую теорию на тему различия сокращений «Ober-Ost» в официальных материалах и «Ober Ost» в упомянутом издании 1917 года, приписывая материалам сборника, использующего последний вариант, идеологическо-пропагандистское и политическое наполнение³¹.

В реальности оба варианта были равнозначны, что можно проследить по дневнику Макса Гофмана, начальника штаба Восточного фронта³². Материалы же сборника носили в основном описательный характер с упором на экономическую географию и своеобразие локальных взаимоотношений. При ближайшем рассмотрении можно убедиться, что большинство текстов было подготовлено военными или «учеными в военной форме», а не политическими публицистами, поэтому проявления пропаганды в сборнике встречаются лишь иногда. Среди авторов коллективного труда выделяются такие «восточные эксперты», как Курт фон Рюмкер и Фриц Фрех, которые до этого работали в Университете Бреслау – главном германском интеллектуальном центре по изучению Восточной Европы.

Следует отметить, что в указанном издании проявилась тенденция середины-второй половины 1916 г., которая уже выходила далеко за рамки военных мероприятий. Речь идёт о возникшем интересе к использованию этнокультурных особенностей местного населения для утверждения немецкого превосходства на оккупированной территории с одной стороны и созданию противовеса одновременно полякам и русским – с другой. Так, в сборнике 1917 года уже присутствуют очерки исторического и этнографического содержания, в частности по белорусскому обычному праву и распространению Реформации на белорусских землях. Белорусов авторы именовали «мирным племенем», которое, «будучи покорённым мечами литовцев», оказало при этом значительное культурное влияние на своих захватчиков³³. Подобно русским авторам за полвека до того, немецкие специалисты пытались соотнести между собой различные районы пограничья и вообразить их как белорусские, как в случае с Гродно и Лидой, ранее входившей в состав Виленской губернии. В этом смысле очень показательно, что данные этнолингвистического атласа оккупированных восточных территорий, выпущенного немцами в 1916 г.³⁴, фактически совпали с результатами исследований данного региона со стороны русских специалистов, в частности, Александра Риттиха.

Любопытно здесь и то, что подобный инструментарий (артикуляция непольских культурных особенностей и независимой от Польши исторической памяти) в своё время также пыталось использовать в этом регионе русское правительство. Проникновение данных идей в арсенал германской военной администрации не являлось ни парадоксом, ни совпадением. Оно произошло за счёт публичной активности консервативной части балтийско-немецкой

³¹ Tamže, с. 30–32.

³² *Die Aufzeichnungen des Generalmajors Max Hoffmann*, Bd. 1, s. 83, 138.

³³ *Das Land Ober Ost*, s. 17, 91.

³⁴ *Völker-Verteilung in West-Russland*, Kowno 1916, s. 5, 21.

элиты, исход которой в Германию начался после аналогичных попыток Петербурга всерьёз подорвать её традиционное влияние в прибалтийских губерниях. В мае 1915 г. в Берлине оформился Балтийский совет, члены которого выступали в качестве консультантов германского руководства, представляя себя специалистами как минимум по всему западному региону Российской империи.

Насколько балтийские авторы были знакомы с реальным положением дел за пределами своей «малой родины», остаётся неясным. В любом случае, относительно белорусского сообщества они сходились во мнении и рисовали достаточно пессимистичную картину. Так, барон Герман фон Розен, писавший под псевдонимом «Ревельштайн», отмечал, что этот «неизвестный Западной Европе народ» когда-то стоял в культурном отношении выше литовцев, в чьё государство он входил. Со временем, однако, полонизация «умалила здесь национальное чувство ещё сильнее, чем у украинцев», а белорусский язык, ранее использовавшийся в качестве языка государственной бюрократии, «был низведён до уровня крестьянского диалекта». Дело довершило «безграмотное московитское хозяйничанье», в результате которого крестьянин опустился до «плачевного состояния»³⁵. Другой балтиец, скрывавшийся под характерным псевдонимом «Йоганнес фон Экхардт», указывал, что белорусы, по сравнению с «москвитами», сумели сохранить «свой славянский характер в относительно чистом виде». Тем не менее, по словам автора, культурно и экономически Белоруссия «принадлежала к наиболее отсталым регионам империи» и «о духовном подъёме населения из-за его бескультурья не могло идти и речи»³⁶.

Нельзя сказать, что данный нарратив был воспринят в Германии окончательно и бесповоротно. Напротив, его элементы причудливо переплелись в сознании немцев с польскими представлениями о Белоруссии как «полумифическом крае» и источнике «животворной силы»³⁷ в рамках общего мифа о «кресах» как «потерянном рае». На своей ментальной карте германские военные и общественные деятели обрисовывали российскую западную окраину как «землю будущего» и «неосвоенную целину» для расширения германского культурного пространства. Белоруссии в этом отношении следовало превратиться из «широкого соединительного моста» между Западом и Востоком в «пограничный кордон между двумя чуждыми по своей сути мирами»³⁸. Как следовало из секретного отчёта главного командования на Востоке, составленного в мае 1916 г., само германское будущее зависело от «белорусского возрождения и их выступления против поляков». Той же осенью генерал-квартирмейстер Эрих Людендорф

³⁵ H. von Revelstein, *Die Not der Fremdvölker unter dem russischen Joche*, Berlin 1916, s. 73–74.

³⁶ J. von Eckhardt, *Die Weißrussen*, „Osteuropäische Zukunft“, 15(1918), s. 168–169.

³⁷ М.Д. Долбилов, *Русский край, чужая вера*, с. 196.

³⁸ E. Ostmann, *Schnelle Besiedlung*, s. 9–10; *Das Land Ober Ost*, s. 10.

распорядился о начале поддержки белорусов посредством организации культурной политики³⁹.

Практическая реализация подобной программы оказалась более затруднительной. Очень быстро немцы столкнулись с той же проблемой, с какой в своё время столкнулись в Петербурге, а именно с выделением собственно белорусской территории и вопросами соотношения языка, религии и этничности у местных жителей. При организации школьной политики выяснилось, что в обширном регионе практически не существует однородных языковых районов. Население повсеместно было многоязычным и наряду с родным языком использовало общеупотребимый в конкретной местности диалект. Так, на востоке Литвы использовалось наречие, состоявшее из элементов литовского, польского и белорусского языков, тогда как на юге в обиходе была *проста мова*, представлявшая собой испорченный польский или разновидность белорусского языка. Кроме того, традиционная роль польской культуры в регионе была очень высока, в результате чего в некоторых районах она полностью вытеснила литовскую и белорусскую самоидентификацию⁴⁰. Живым примером здесь может служить красный командарм Иероним Уборевич (Уборявичюс), выходец из Зарасайского края. В различных версиях биографии его называют литовцем, белорусом, а порой и поляком.

Нельзя забывать и о том, что одновременно с попытками научного осмысления реалий сложного пограничного региона продолжала действовать чисто военная линия, по-прежнему нацеленная на обеспечение безопасного тыла для действующей армии, и для неё условные белорусы были просто цифрами в отчётах⁴¹. Поскольку белорусское население в то время было по большей части сельским, в их отношении работала траектория взаимодействия, с самого начала не заточенная под изучение их этнокультурных особенностей. Сказывалась и тяжесть восприятия немцами незнакомого им мира: так, район Сморгонь-Молодечно, располагавшийся всего в 120 км от Вильны, воспринимался ими как «дальний Восток»⁴².

В результате немецкие специалисты по сути «застряли» на уровне городов, предпринимая лишь отдельные попытки продвинуться глубже и «узнать» широкую массу населения. Учитывая местную специфику, они в итоге соприкасались по большей части с представителями польского и еврейского (в меньшей степени – русского) сообществ, тогда как собственно белорусы зачастую оказывались вне фокуса их внимания⁴³. В этом смысле неудивительно, что немецкая справочная литература времён Первой

³⁹ V.G. Liulevicius, *War Land on the Eastern Front. Culture, National Identity and German Occupation in World War I*, Cambridge 2005, s. 121.

⁴⁰ H. Zemke, *Der Oberbefehlshaber Ost*, s. 52–53.

⁴¹ *Verwaltungsbericht der Militärverwaltung Litauen für die Zeit vom 1. Oktober 1916 bis 31. März 1917*, s. 17–18.

⁴² H. Richter, *Kowno, Wilna, Dünaburg*, s. 116.

⁴³ B. Chiari, *Geschichte als Gewalttat. Weißrußland als Kind zweier Weltkriege*, w: *Erster Weltkrieg – Zweiter Weltkrieg. Ein Vergleich*, red. B. Thoß, H.-E. Volkmann, Schöningh, Paderborn 2002, s. 620.

мировой войны о положении собственно белорусского населения практически отсутствует. Кроме того, свою негативную роль сыграли жёсткость оккупационной политики в сфере экономики и резкая, плохо продуманная программа «аккультурации». Эти факторы немало способствовали тому, что белорусы оказались невосприимчивым к попыткам приобщения их к немецкому образу жизни⁴⁴.

3. Национал-социализм и конструирование белорусского пространства

В ходе рассмотрения тех политико-демографических практик, которые возобладали в Германии после прихода к власти нацистов в 1933 г., может возникнуть закономерный вопрос о том, был ли кайзеровский рейх современной империей в полном смысле слова. Насколько можно видеть, на восточной окраине страны фактически допускалось существование патронируемых государством регионализмов. Таким образом, германская сторона рассматривала, с определенными особенностями и оговорками, один из тех сценариев позитивной дискриминации, который в своё время обсуждался и в царской России. Напротив, в Третьем рейхе неприятие культурных различий достигло своей высшей формы и даже перешагнуло её после принятия расистского законодательства в 1935 г. Симптоматично, что депутат ещё кайзеровского рейхстага и прогерманский активист из Мемельского края Вильгельм Гайгалат так и не получил гражданство Германии, несмотря на обращения к Гитлеру, так как был этническим литовцем.

В данной связи встаёт дискуссионный вопрос о преемственности германских практик взаимодействия с Востоком. Немецкий историк Йорг Баберовски отмечает, что прямой корреляции между солдатскими впечатлениями 1915–1918 гг. и будущей национал-социалистической политикой уничтожения не было⁴⁵. Веяс Люлевичус справедливо указывает, что мероприятия в рамках «Обер Оста» были скорее «импровизацией под натиском обстоятельств», в отличие от рейхскомиссариата «Остланд», который стал выражением спланированной политики нацистов⁴⁶. Несомненно, однако, что неудача германской миссии на Востоке в годы Первой мировой войны породила у бывших участников событий представление о том, что изначальная концепция оккупационной политики была правильна и её не удалось реализовать из-за плохого «человеческого материала»⁴⁷.

⁴⁴ V.G. Liulevicius, *Die deutsche Besatzung im „Land Ober Ost“ im Ersten Weltkrieg*, s. 99.

⁴⁵ J. Baberowski, *Einführende Bemerkungen*, w: *Die vergessene Front. Der Osten 1914/15*, red. G. Groß, Schöningh, Paderborn 2006, s. 149.

⁴⁶ V.G. Liulevicius, *Von „Ober Ost“ nach „Ostland“? w: Die vergessene Front. Der Osten 1914/15*, s. 309.

⁴⁷ Tamže, s. 295–296, 309.

Данный нарратив оказался обострѐн и многократно усилен после военного поражения Германии в ноябре 1918 г. Оно стало тем более травматичным из-за того, что всего за восемь месяцев до того был заключѐн триумфальный Брестский мир, который, казалось бы, свидетельствовал об обратном. Именно на эти представления наложился новый, нацистский дискурс о немцах, которые должны отвоевать для себя «жизненное пространство» и создать там нерушимый заслон против «натиска с Востока».

Население «восточных областей» представлялось в публичной сфере достаточно амбивалентно. Так, Вернер Конце, ведущий немецкий белорусист того времени, писал, что германская оккупационная администрация «с пониманием отнеслась к правомерным национальным устремлениям белорусов», а немцы, в свою очередь, «выступили для неподготовленного к государственности аграрного народа в роли национальных будителей». В результате, как считал автор, у простого белоруса сохранились «хорошие воспоминания» об оккупационном периоде, что даёт определённый зарок для дальнейшего политического развития «нарождающегося белорусского народа»⁴⁸. Вместе с тем, как отмечал Конце, положение белорусов являлось одним из нерешѐнных вопросов, касавшихся восточной границы рейха, так как Белоруссия рассматривалась одновременно как «естественный тыл» Восточной Пруссии, «широкая неопределенная переходная зона из Европы в Россию» и европейский плацдарм против Москвы. В этой связи, по словам автора, зона «Обер Оста» стала своего рода «лимесом», символической германской границей, которая оставила память о себе в виде военных сооружений и солдатских кладбищ, таким образом заложив предпосылки для возвращения немцев на эту территорию⁴⁹.

Можно ли говорить о том, что и при Гитлере идеологи восточной экспансии, по крайней мере, на первых порах продолжали следовать старой, кайзеровской парадигме? И да, и нет. С одной стороны, влияние интеллектуального наследия минувшей войны всё ещё было очень сильно. Некоторые нацистские идеологи находились под влиянием идей политических публицистов «старого времени», в частности балтийского немца Пауля Рорбаха, считавшего, что Россию можно ослабить, отделив от неё нерусские регионы. Эта модель в какой-то форме была реализована в зоне главного командования на Востоке, когда в 1917–1918 гг. появились Государственный совет Литвы и Белорусская Народная республика. Безотносительно реального политического наполнения этих структур можно предполагать, что в Берлине в принципе были терпимы к их существованию.

На эту парадигму стремительно наступала новая идеология, в результате чего старые клише могли наполняться новым смыслом. Если раньше «нация» выступала в качестве носителя культуры и образа мысли, как это было в случае «Обер Оста», то теперь она смешалась с понятием «раса». Характерное для Первой мировой войны страноведческое клише *Land*

⁴⁸ W. Conze, *Die weißrussische Frage in Polen*, Berlin 1938, s. 6–10.

⁴⁹ Tamže, s. 10.

und Leute («территория и её население»), применившееся для описания негерманских регионов, подверглось заметной радикализации. Теперь вместо него на первый план вышел парол *Raum und Volk* («пространство и (немецкий) народ»). Именно так стали воображаться те области, которые ещё недавно в ходили в «Обер Ост».

Местное население в рамках данной концепции представляло собой уже не отдельные «народности», а некий конгломерат сообществ, условно объединяемый в обозначении *Ostmenschen* («люди с Востока») и других негативных географических коннотациях, связанных с Восточной Европой⁵⁰. Наряду с этим нацистские теоретики особо выделяли «расовую ценность пограничья», которое изначально было призвано стать своего рода «санитарным кордоном» для всего немецкого сообщества⁵¹. На практике, однако, это означало превращение устойчивой границы в подвижную, где немцам отводилась роль той «судьбоносной силы», которая должна была вывести Восток из состояния хаоса путем установления «нового порядка»⁵².

Эти концепции столкнулись уже после начала войны с Советским Союзом, когда вновь возникла необходимость организовать оккупированное пространство. Главным сторонником первого сценария стал министр по делам оккупированных восточных областей Альфред Розенберг. По его мнению, необходимо было продвигать «белорусское самосознание, нацеленное против России», при этом заботясь о том, чтобы не возникло «претензий на независимое от Германии белорусское государство»⁵³. В публичный дискурс было возвращено наименование «белорутень», от которого начали отходить ещё во времена первой оккупации. Как отмечалось в официозных публикациях, таким образом немецкие власти восстановили справедливость, после того, как большевики превратили «белорутенов» в «белоруссов», чтобы тем самым оторвать их от западной культуры и вовлечь в русскую⁵⁴.

Любопытным феноменом в данной связи стало появление более молодого поколения балтийских немцев, касавшихся белорусской проблематики. От «экспертов» времён Первой мировой их отличало не только выраженное белорусофильство, но и то, что они при этом имели опыт реального соприкосновения с белорусским населением. К примеру, Константин Регель, бывший директор Каунасского ботанического сада, когда-то имевший поместье в Полесье, указывал на иной правовой порядок, образ поселений и жизненного уклада в Белоруссии по отношению к России. По мысли автора, белорусы были самыми «расово чистыми» славянами без примеси «финского

⁵⁰ B. Chiari, *Geschichte als Gewalttat*, s. 626.

⁵¹ W. Zoch, *Neuordnung im Osten: Bauernpolitik als deutsche Aufgabe*, Berlin 1939, s. 65, 124, 132.

⁵² K. Fervers, *Zeitenwende im Osten*, Düsseldorf 1941, s. 17.

⁵³ B. Quinkert, *Propaganda und Terror in Weißrussland 1941–1944: Die deutsche „geistige“ Kriegsführung gegen Zivilbevölkerung und Partisanen*, Paderborn 2009, s. 192.

⁵⁴ E. Frotscher, *Ostland kehrt nach Europa*, Riga 1941, s. 15; A. Vaatz, *Baltikum und Weißruthenien*, Berlin 1942, s. 11.

элемента, как у русских, или степного, как у украинцев» и являли собой «неоспоримое культурное единство»⁵⁵.

Наиболее известная попытка осмыслить положение белорусов на оккупированной нацистами территории принадлежит барону Ойгену фон Энгельгардту. Он вырос на юго-востоке Курляндии в окружении белорусского большинства и во времена «Обер Оста» успел послужить в германских штабах в Минске и Орше. В своей монографии, наряду с пространным экскурсом в историю Белоруссии, Энгельгардт подчёркивает, что белорусы являются «племенем», ближе всего стоящим к «нордическому типу древних славян», испытавших германское влияние⁵⁶. По-своему примечателен и подзаголовок книги Энгельгардта. В словосочетании *Volk und Land* («народ на своей территории») автор попытался примирить старую парадигму с новой, предложив соотнести этнические (этнорасовые) и историко-культурные границы Белоруссии, как это совпадало в некоторых западноевропейских странах.

Подобные идеи очевидным образом были связаны с представлениями времён Первой мировой войны, когда оккупационные власти стремились использовать белорусов, чтобы создать противовес польскому и русскому влиянию. Такая практика существовала и во времена нацистской оккупации: в частности, она выражалась в удалении поляков с административных должностей и в создании местных вспомогательных организаций белорусских националистов, служивших своего рода витриной «нового порядка»⁵⁷. Тем не менее, как и раньше ей противостояла линия военных. Армейское командование крайне скептически относилось к идеям культурного своеобразия и «расовой значимости» белорусов⁵⁸. Под влиянием стратегических соображений была проведена административная перекройка республики, фактически противоречившая концепции Розенберга. Так, часть западных районов, включая Гродно, была отнесена к особому Белостокскому округу. Юг Белоруссии вошёл в состав рейхскомиссариата Украина, а некоторые районы северо-запада были переданы в состав гебитскомиссариата Литва. Весь восток, в свою очередь, стал непосредственной зоной оперативной ответственности вермахта.

Как отмечают историки, поскольку с точки зрения сложившейся ситуации будущее Белоруссии оставалось неясным, ей предполагалось вновь стать тылом действующей армии, что по сути означало экономическую эксплуатацию⁵⁹. Центральный вопрос, сделать ли территорию республики частью «заслона» против Москвы, стимулировав местный национализм,

⁵⁵ C. Regel, *Weißruthenien und seine Bedeutung für Europa*, „Geographische Zeitschrift“, 4/5(1942), s. 129–136, 151.

⁵⁶ E. von Engelhardt, *Weißruthenien. Volk und Land*, Berlin 1943, s. 238–246.

⁵⁷ A. Brakel, *Unter Rotem Stern und Hakenkreuz: Baranowicze 1939 bis 1944*, Paderborn 2009, s. 120–122; B. Quinkert, *Propaganda und Terror in Weißrussland 1941–1944*, s. 193.

⁵⁸ A. Brakel, *Unter Rotem Stern und Hakenkreuz*, s. 121.

⁵⁹ A. Dallin, *German rule in Russia, 1941–1945: a Study of Occupation Policies*, London 1957, s. 201–203; A. Brakel, *Unter Rotem Stern und Hakenkreuz*, s. 179.

или своего рода отстойником для «нежелательных элементов» так и не был решен⁶⁰. По верному замечанию Бернхарда Къяри, размышления о том, брать ли белорусов в «новую Европу» или нет начались только после провала блицкрига, уже после того, как оккупационные власти дезавуировали себя «охотой на рабочую силу, жестокостью “борьбы с партизанами” и явным уничтожением евреев и советских активистов»⁶¹. Подобный подход означал «спрямление» Белоруссии, её превращение в единое колониационное пространство вместе с остальным Востоком, где культурные различия местных сообществ уже не просто не играли роли для осуществления «интересов рейха», а, напротив, мешали им. Позитивная дискриминация белорусов времён Первой мировой войны, призванная отделить их от поляков и русских, в ходе Второй мировой войны сменилась негативной, где все три сообщества фактически находились в равных условиях. Сама же Белоруссия стала «символом нацистской войны на уничтожение и партизанского сопротивления на Востоке»⁶².

4. Выводы

На протяжении длительного времени немцы предпринимали попытки «вообразить» области, лежавшие к востоку от традиционного ареала германской культуры. Это касалось и территории современной Белоруссии. В ходе оккупации западных губерний Российской империи у германской стороны выявилось два уровня их познания, которые условно можно назвать «военно-географический» и «историко-культурный». Второй подход, в свою очередь развивался по двум траекториям – городской и сельской.

Третьим, более глубоким уровнем узнавания должен был стать «этнографический», однако по ряду причин на него так и не перешли. С одной стороны, это было связано с отсутствием подходящей методологии: как это нередко бывает с имперским пространством, приходилось действовать методом проб и ошибок. Когда немецкие специалисты попытались выделить собственно белорусскую территорию, они столкнулись со сложным пограничным регионом, где бок о бок жили представители самых разных сообществ и где этничность, язык и культура могли существовать в самых разнообразных комбинациях. Стремление артикулировать культурные особенности белорусов для создания противовеса полякам натолкнулись на тот факт, что значительная часть образованного класса была полонизирована, тогда как слой национально ориентированной интеллигенции был очень узок. К слову, с подобными проблемами, только с определёнными поправками, в своё время столкнулась и русская имперская администрация. Что касается широкой массы белорусского населения, то оно, вопреки ожиданиям немцев,

⁶⁰ A. Dallin, *German rule in Russia, 1941–1945*, s. 201.

⁶¹ B. Chiari, *Geschichte als Gewalttat*, s. 624.

⁶² Tamže, s. 615.

осталось невосприимчивым к проводившимся мероприятиям по вовлечению в ареал «германской цивилизации». В итоге попытки изучения этнокультурного своеобразия белорусов были перекрыты задачами ведения войны, и этнография уступила место экономике и тактическому планированию.

Сравнение целей Германии на Востоке в Первую и Вторую мировые войны в исторической литературе чаще всего начинается с вопроса о преемственности политических, административных, демографических и иных практик на оккупированной территории. Как представляется, применительно к белорусской теме можно с уверенностью проследить неизменность лишь одного сюжета – Белоруссии как «земли для германского будущего» и «заслона» против России, причём в обоих случаях со стороны германских властей присутствовала изрядная доля фантазии. В остальном же можно наблюдать скорее отсутствие преемственности.

Данное утверждение проистекает из гипотезы о том, что кайзеровская и гитлеровская империи, хотя официально и носили одно и то же название «германский рейх», с политической точки зрения существенно различались. Так, во время Первой мировой войны в Берлине в принципе допускали существование регионализмов и политическое оформление культурных различий под эгидой Германии (в случае с Белоруссией это выразилось в провозглашении БНР). При Гитлере, напротив, ни о каком регионализме не могли идти и речи, а весь Восток по определению должен был стать «жизненным пространством» для немцев. В этой связи следует отметить, что в годы первой оккупации между регионалистской и колониационной составляющими германской оккупационной политики не было выраженных противоречий – они шли рука об руку в рамках концепции окультуривания пограничья. В годы Второй мировой войны ситуация уже была принципиально иной. Как справедливо отмечают немецкие историки, если в 1914 г. германские солдаты, отправляясь в поход на Восток, руководствовались «рассеянными представлениями о высокой цивилизаторской миссии Германии», то в 1941 г. местному населению предстояло «в лучшем случае обслуживать интересы арийской расы, а в худшем – стать объектом для политики уничтожения и переселения»⁶³.

Свою роль здесь сыграла и своего рода «незаконченность» познания Белоруссии. Когда немцы шли на Восток во второй раз, на их ментальной карте уже существовали негативные стереотипы евреев и поляков (то есть жителей ранее изученного городского пространства), тогда как белорусы по-прежнему «выпадали» из общей картины. Политическое руководство Восточного министерства, находившееся под сильным влиянием интеллектуального наследия Первой мировой войны, по сути предлагало довести остановленное в 1918 г. до логического завершения. Белорусов предлагалось повторно «узнать» и закрепить их единство на конкретной территории, исходя уже не из культурных, а из расовых предпосылок.

⁶³ Tamže, s. 626; A. Brakel, *Unter Rotem Stern und Hakenkreuz*, s. 95.

Эта попытка совместить далеко идущие политико-демографические планы с тактическими задачами войны вновь привела к повторению старой ситуации, когда военные фактически заблокировали их реализацию, исходя из текущих потребностей фронта. Вместе с тем, кардинальное отличие Второй мировой состояло в том, что и гражданская, и военная линии, которые можно условно отнести к одному консервативному направлению оккупационной политики, были полностью перекрыты другой, радикальной концепцией. Она заключалась в полном «выравнивании» оккупированной территории для последующего создания «жизненного пространства немецкого народа». Если в годы Первой мировой войны отсутствие методологии познания Белоруссии у гражданских позволило военным легко одержать верх, то теперь даже наличие массива данных о белорусах не оставляло им места на ментальной карте нацистов.

**THE “PROMISED LAND” AND THE “VIRGIN SOIL”:
GERMAN MENTAL MAPPING OF BELORUSSIA, 1914–44**

SUMMARY

The article explores the dynamics of the formation of the image of Belorussia on the German mental map with a consideration of the German occupation policies during the First and Second World Wars. The author suggests that in 1915–18 the Germans tried to “invent” Belorussia in order to overcome the lack of knowledge about this region and, on the other hand strove to gain this “new land” and its population to ensure their own superiority in the East. It seems that the Kaiserreich was indeed tolerant to the profound cultural differences and sought to make use of the local regionalism in geopolitical sense. On the contrary, in the Nazi Germany the cultural differences were initially rejected in favor of the “master race”. In this respect, Belarusians were considered only as a mean to support of the forthcoming colonization. In the author’s opinion, there is much less continuity between the German war policies in the East in 1915–18 and 1941–44 than is generally accepted.

KEY WORDS: Germany, Belorussia, First World War, Second World War, occupation policies, mental mapping